

Толоконникова Ирина Владиславовна, Московский государственный университет.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова. Научные интересы: история русской литературы второй половины XIX в., история древнерусской литературы, история русской литературы и журналистики XVIII в., А.П. Чехов, поэзия чеховской поры.

E-mail: ivtol@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8222-8321

Irina V. Tolokonnikova, Moscow State University.

Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University. Research interests: Russian literature history of the second half of the 19th century, the history of Old Russian literature, the history of Russian literature and journalism of the 18th century, A.P. Chekhov, poetry of the Chekhov era.

E-mail: ivtol@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8222-8321

DOI 10.54770/20729316-2022-3-457

А.Е. Агратин (Москва)

УСАДЕБНЫЙ ТЕКСТ: МЕЖДУ МИФОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ
Рецензия на книгу: Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6)

Аннотация. В статье рецензируется коллективная монография «Усадьба реальная – усадьба литературная», опубликованная в рамках серии «Русская усадьба в мировом контексте». Лейтмотивом всей книги следует считать мысль о неразрывной связи усадебного текста с действительностью. Избранный исследовательский ракурс реализуется прежде всего благодаря сочетанию собственно литературоведческого анализа и реально-исторического комментария. Кроме того, интерес представляют работы, в которых предмет изучения располагается на границе социокультурного («реального») и собственно литературного измерений (поэтические иллюстрации к фонтанам Версальского лабиринта рассматривает Е.Е. Дмитриева, о влиянии усадебного текста на организацию ландшафтной экспозиции «Сада Пастернака» пишет А.В. Фирсова). Также авторы сосредотачиваются на изучении ресурсов и способов мифологизации исторической действительности в усадебной литературе. Т.М. Жаплова показывает, как вещная подробность в произведениях И.А. Бунина обретает универсальное значение, становясь символом усадебного универсума. Противопоставление усадьбы внешнему миру (своеобразное усадебное двоemiрие) в детской и автобиографической литературе охарактеризовано Г.А. Велигорским. Мифологизация усадебного мира нередко осуществляется посредством ностальгии (М.В. Строганов, Е.Ю. Кнорре). Обращает на себя внимание шестая часть книги («У истоков “дачного топоса”»): она стоит несколько особняком, представляя собой ответвление магистрального («усадебного») исследовательского сюжета (Е.Н. Строганова, Э. Мари). Авторы монографии показывают, как усадьба, существуя в силовом поле между реальностью и мифом, находит в словесном творчестве максимальную актуализацию своих мифопоэтических потенций.

Ключевые слова: усадьба; усадебный текст; «усадебный топос»; дача; «дачный топос»; миф.

А.Е. Агратин (Москва)

The Estate Text: between Myth and Reality
Book Review: Bogdanova O.A. (ed.). Real Estate – Literary Estate: Vectors of Creative Transformation: A Collective Monograph.
Moscow, The Gorky Institute of World Literature Publ., 2021. 384 p.

Abstract. The article reviews the collective monograph “Real Estate – Literary

Estate”, published as part of “The Russian Estate in the World Context Series”. The leitmotif of the entire book should be considered the idea of an inseparable link between the estate text and reality. The chosen research perspective is implemented primarily through a combination of literary analysis and real-historical commentary. Besides, of interest are the works in which the subject of study is situated on the borderline of sociocultural (“real”) and literary dimensions (E.E. Dmitrieva considers poetic illustrations to the fountains of the Versailles labyrinth, A.V. Firsova writes about the influence of the estate text on the organization of the landscape exposition of Pasternak’s Garden). The authors also focus on the study of resources and ways of mythologizing historical reality in estate literature. T.M. Zhaplova shows how material detail in I.A. Bunin’s works acquires universal significance, becoming a symbol of the estate universe. The opposition of the estate to the outer world (a kind of estate world duality) in children’s and autobiographical literature is characterized by G.A. Veligorsky. Mythologization of the estate world is often carried out through nostalgia (M.V. Stroganov, E.Yu. Knorre). The sixth part of the book (At the Origins of the “Dacha Topos”) attracts attention: it stands somewhat apart, representing a branch of the main (“estate”) research plot (E.N. Stroganova, E. Marie). The authors of the monograph show how the estate, existing in the force field between reality and myth, finds maximum actualization of its mythopoetic potentialities in the literary text.

Key words: estate; estate text; “estate topos”; dacha; “dacha topos”; myth.

Рецензируемая монография является частью серии исследований, посвященных феномену русской усадьбы и его литературным воплощениям. В книге О.А. Богдановой «Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология» задаются векторы будущих работ по избранной тематике: «усадебный топос», усадьба и дача в произведениях XIX–XX вв., формирование «усадебного мифа», усадебно-дачная тема в постсоветское время. Каждая из последующих книг раскрывает и расширяет обозначенный круг вопросов. Так, монография «Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм» актуализирует компаративный ракурс литературного «усадебоведения». В монографии «Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+» впервые затрагиваются особенности изображения усадьбы в советские десятилетия, определяется специфика «усадебного топоса» в литературных направлениях XX – начала XXI в.: символизме, неореализме, экспрессионизме, соцреализме, метамодернизме, значительно увеличивается перечень рассматриваемых авторов (среди них такие малоизвестные, как О. Ольнем, Н.Н. Русов, С.Н. Дурьлин). Название книги М.В. Скороходова «Помещица усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход» говорит само за себя: литературоведческий анализ дополняется теоретическим инструментарием гуманитарной географии и искусствознания. Работа Е.Е. Дмитриевой «Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880-е–1930-е гг.)» посвящена, с одной стороны, трагической судьбе русской усадебной культуры в постреволюционный период и попыткам ее воскрешения в эмиграции, с

другой – сопоставлению русской усадьбы с западноевропейским замком. Также автор задействовал интермедиальный аспект проблемы (история усадебных стилизаций – архитектурных, живописных и литературных).

Можно сказать, что серия развивается «по спирали»: авторские монографии чередуются с коллективными – прослеживается переход от индивидуального исследовательского взгляда к плюрализму научных концепций и обратно. «Усадьба реальная – усадьба литературная» располагается на коллективном «витке» серии. Это обуславливает ее обобщающий, рубежный характер. В то же самое время перед авторами книги стояла весьма трудная задача – обнаружить нечто принципиально новое в изучаемом материале.

Рецензируемый труд, вне всяких сомнений, предлагает весьма убедительное решение данной задачи. Вопрос о соотношении вариантов «усадебного топоса» с их реальными прототипами косвенно ставился и в предыдущих книгах серии, однако теперь он выходит на передний план, автономизируется. В монографии предпринята попытка выявить ключевые закономерности художественной трансформации усадебной эмпирики.

Исторические линии этого преобразования последовательно осмысляются в разделах книги. Первая часть («Чехов и другие») посвящена образному воссозданию русской усадьбы в чеховских текстах, а также хронологически примыкающих к ним литературных произведениях Л.Н. Толстого, Е.Н. Чирикова, Г. Чулкова. Конец XIX – начало XX в., по всей видимости, трактуется как отправная точка эстетической рефлексии отечественных писателей над усадебной культурой. Вторая часть («Поэтическая летопись русской усадьбы рубежа XIX–XX вв.») логически продолжает первую, однако существенно переакцентирует исследовательское внимание и на уровне изучаемого материала (явное преобладание поэзии над прозой), и на уровне методологии (интерес переключается на структурно-семантические особенности произведений – с процесса «конвертации» реального в фикциональное на его непосредственный результат, воплощенный в самом художественном дискурсе). В третьей части («Русская усадьба в эго-документах и артефактах») авторы выбирают своим предметом нон-фикшн и невербальные «тексты» (музей, сад), значительно расширяя жанровые границы монографии: собственно литературоведческая проблематика органично перетекает в историко-филологическую и, наконец, междисциплинарную.

В последующих разделах книга сохраняет принцип аналитической «гибкости», допуская порой непредсказуемые повороты исследовательской мысли и открывая весьма широкий путь для раскрытия темы. Четвертая часть («Усадьбы советской эпохи») предлагает читателю дальнейшее движение по временной цепи – как в исторической (исчезновение усадебного универсума в XX в.), так и литературной плоскости (новые пути его постижения в словесном творчестве XX–XXI вв.). Пятая («Компаративные сюжеты») разнообразит хронологические и пространственные координаты описываемых в монографии явлений (усадьба в античной

и европейской культурах). Шестая («У истоков “дачного топоса”») стоит несколько особняком, словно «намекая» на возможное ответвление магистрального («усадебного») исследовательского сюжета. Книга предваряется очень информативным и полезным предисловием: дается общий, «стратегический» взгляд на содержание книги, ориентирующий читателя, помогающий ему разобраться в множестве составляющих ее статей.

Композиция монографии может показаться противоречивой, построенной на основе нескольких критериев (хронология, характер материала, подходы). Но такая «эkleктичность» представляется не только прощительной, но и неизбежной в масштабном исследовании, объединяющем специалистов из самых разных областей.

В настоящей рецензии мы не станем подробно пересказывать каждую часть книги, но остановимся на самых важных, с нашей точки зрения, тезисах, формирующих ее концептуальный остов, что позволит соблюсти границы отведенного для наших размышлений жанра, с одной стороны, и сложить максимально целостное представление о характеризуемом издании, с другой.

Лейтмотивом всей монографии следует считать мысль о неразрывной связи усадебного текста с действительностью. Так, В.Г. Андреева («Помещики и землевладельцы в романе Л.Н. Толстого “Анна Каренина”») пишет об отражении усадебной жизни пореформенного времени в литературе: «перед русскими классиками остро стоял вопрос места и роли дворянства в новых экономических условиях» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 31]. Юрий Викторович Доманский объясняет различие между понятиями «усадьба» и «имение» в чеховской драме («Имение Раневской» и “усадьба Гаева”: к вопросу о номинациях места действия “Вишневого сада” А.П. Чехова), сочетая собственно литературоведческий анализ с реально-историческим комментарием [Усадьба реальная – усадьба литературная, 43–52].

Особый интерес представляют статьи, в которых предмет изучения идентифицируется лишь на пересечении социокультурного («реального») и собственно литературного измерений. Е.Е. Дмитриева размышляет об уничтоженном в конце XVIII в. Версальском лабиринте, фонтаны которого иллюстрировали басни Эзопа («Сборник басен под открытым небом: состязание поэтов в Версальском лабиринте»). Переводы последних выполняли Ж. Лафонтен, Ш. Перро и И. Бенсерад – поэты соперничали за право словесно иллюстрировать фонтаны. Конкуренция этих трех авторов рассматривается в контексте двойственной символики лабиринта – моралистической и в то же время игриво-эротической [Усадьба реальная – усадьба литературная, 249–266]. В.Э. Молодяков считает усадьбу писателя Шарля Моррасса «одним из главных его произведений наравне с его книгами»: французский автор «наполнил сад историческими реликвиями и спроектировал мемориальную архитектурную композицию La Mur des Fastes (Стена Славы)» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 305]. Наконец, в статье А.В. Фирсовой «“Сад Пастернака”: поэтическая матри-

ца в ландшафте» рассказывается о влиянии усадебного текста на организацию одного из центральных сегментов музейного пространства «Дома Пастернака», расположенного в поселке Всеволодо-Вильва Александровского района Пермского края, – ландшафтной экспозиции, разделенной на тематические зоны, которые перекликаются с этапами творческого становления поэта.

Закономерным развитием описанного выше исследовательского лейтмотива становится изучение ресурсов и способов мифологизации исторической действительности в усадебной литературе.

О.А. Богданова («“Усадебный текст” Георгия Чулкова: неомифология писательских имен в повести “Дом на песке”») рассуждает об «усадебном топосе» в творчестве Г.И. Чулкова посредством парадигмальной оппозиции «Пушкин – Лермонтов», коррелирующей в мифопоэтической системе «младшего» символизма с «дихотомией дня и ночи, солнца и луны, Аполлона и Диониса, эпоса и трагедии» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 73]. Отмечается, что «в “Доме на песке” манифестация сформированного в Серебряном веке усадебного неомифа о Золотом веке русской культуры (маркируемого именем Пушкина <...>) подсвечивается неомифологическим субстратом – аполлоническо-дионисийской дихотомией» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 86]. В произведении Чулкова «прослеживаются аллюзии и на других русских писателей: Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, в меньшей степени на И.С. Тургенева, В.Я. Брюсова, И.Ф. Анненского» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 87].

Т.М. Жаплова («Предметная детализация как средство поэтизации усадебного быта в лирике И.А. Бунина 1890–1900-х гг.») показывает, как вещная подробность в произведениях поэта обретает универсальное значение, оказывается моделью определенного культурного универсума: «Зеркало и стекло (по преимуществу оконное), двери в восприятии лирического героя становятся своеобразной границей между естественным и искусственным», что вписывается в «сложившуюся к тому времени практику изображения “дворянского гнезда” с четким указанием границ объекта» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 99].

Н.В. Пращерук («Усадьба Н.Е. Жуковского Орехово: “кормящий ландшафт” и музейная реальность (на материале книги Е.Р. Домбровской “Воздыхания окованных. Русская сага”»)» обнаруживает в современной литературе репрезентацию символических представлений об усадьбе: «Ключевыми становятся образы “глубоких вод”, питающих жизнь семьи, рода, и памяти, противостоящей “тробу беспамятства”» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 194].

Усадьба мыслится как замкнутый локус, противопоставленный внешней действительности. Эта идея оформляется в поэтике романтизма и обретает смыслообразующее значение в детской прозе, о чем пишет в своей статье Г.А. Велигорский («Голубые холмы и далекая музыка: образы тюрьмы и свободы в детской и автобиографической литературе Великобритании и России»). В произведениях Р. Джеффриса, Р.Л. Стивенсона, К. Грэма,

Б. Поттер, Ч. Кингсли, С.Т. Аксакова, Л.Н. Толстого, Л.Н. Андреева возникает тема побега из усадьбы, вокруг которой концентрируются такие мифологемы, как Аркадия, потерянный рай, тюрьма, далекие голубые холмы (запретный мир мечты). В детской литературе усадьба предстает в виде расширяющейся структуры: детская комната – усадебный дом – пространство самой усадьбы – область вокруг нее (поля, лес и пр.) – «побег из усадьбы <...> неизменно связан с перемещением из одного из этих пространств в другое» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 295]. Очерченная сюжетная схема предваряется реальными обстоятельствами жизни писателей. Так, установка «мой дом – моя крепость» являлась основой викторианской педагогики: «Стремление уберечь ребенка ото всего на свете <...> выражалось в сковывающей одежде, тугих крахмальных воротничках, правилах приличия и строгом режиме <...> Относительную свободу ребенок получал, лишь приехав с родителями в деревню / усадьбу» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 290].

С обособленностью усадебного локуса коррелирует мотив ухода от мира и уединенного созерцания природы. О его воплощении в литературе рассуждают Х.Л. Кальво-Мартинес и Н.Н. Арсентьева в статье «Философия уединения (тема *Beatus ille*) в “усадебной” поэзии Европы: Гораций, Фрай Луис де Леон, И.А. Бунин». Пребывание в усадьбе предполагает сближение человека с природой, переживание им «радости и полноты бытия» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 235], которое носит «эстетический и мистико-философский» характер [Усадьба реальная – усадьба литературная, 245]. Весьма показательны в этом плане творчество Бунина: усадьба для писателя выступает утраченным Элизиумом, «пространством памяти, где царит вечная весна без печали и забот» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 246].

Действительно, мифологизация усадебного мира нередко осуществляется благодаря ностальгии. Об этом пишет М.В. Строганов в статье «Берновские предания: дворянская усадьба в воспоминаниях ее питомцев XX в.». Такого рода воспоминания нередко имели форму семейных преданий. Тексты А.Н. Понафидиной, О.Н. Вульф, А.Н. Болт, В.Д. Бубновой о Пушкине являются вторичными мемуарами: сами они никогда поэта не встречали, а их предшественники-рассказчики видели его, когда были детьми – рождается правдоподобный, но все же «вымышленный» сюжет о «золотом веке» дворянской усадьбы, в котором великий русский поэт, безусловно, выступает главным героем. Ностальгическая тональность усадебного текста может сочетаться с религиозно-утопической, на что указывает в своей работе Е.Ю. Кнорре («“Китеж советского времени”: образ “небесной коммуны” в “усадебном мифе” М.М. Пришвина (на материале дневника писателя 1920–1950 гг.)»). В мифопоэтике Пришвина мотив возвращения в родную усадьбу обретает свой символический смысл в составе сюжета «пути в Невидимый град», представляющего собой историю о «воспитании героя, его духовного возрастания от индивидуальности <...> до личности, самоопределяющейся как часть единого Богочеловече-

ского организма» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 207].

Авторы монографии показывают, как усадьба, существуя в силовом поле между реальностью и мифом, находит в словесном творчестве максимальную актуализацию своих мифопоэтических потенциалов и в конечном итоге обнаруживает себя здесь в более ясных, осмысленных очертаниях, чем в самой исторической действительности.

Исследования дачного топоса занимают в книге особое место. Дача во многом противопоставляется усадьбе. В отличие от последней, здесь царит свобода от этических условностей. В произведениях М.В. Крестовской, А.А. Вербицкой, Л.А. Чарской центральным оказывается мотив любовного раскрепощения. Это явление подробно анализируется в статье Е.Н. Строгановой «Дачные сюжеты в женской прозе рубежа XIX–XX вв.». Автор отмечает, в частности, что дачные отношения вполне сопоставимы с курортными романами. В то же время нельзя не заметить и важное различие сравниваемых ситуаций: поездка на курорт подразумевает изменение привычного образа жизни, погружение в экзотическую среду, поиск новых связей – дачный же топос показан как «продолжение завязавшихся ранее отношений» или «как своего рода переломный момент, изменяющий вектор их развития» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 330]. Дача – место временного пребывания, проблема рода закономерно вытесняется здесь проблемой малой семьи. Вместе с тем дача, подобно усадьбе, порождает дискурсы, опознаваемые лишь в точке соприкосновения исторической реальности и словесного творчества. Статья Э. Мари «О понятии петербургского “дачного фольклора” конца XIX – начала XX в.» посвящена изучению текстов, наполнявших дачный досуг. Подобного рода материалы «невозможно идентифицировать с высокой культурой», они «функционируют на границе между устным и письменным творчеством, литературой и фольклором, к тому же соответствуя эстетико-идеологическим запросам зарождающегося массового городского общества, представителями которого и являются читатели-отдыхающие» [Усадьба реальная – усадьба литературная, 338].

В заключение следует подчеркнуть, что книга написана весьма доступным языком и несмотря на всю сложность и специфичность поставленных в ней вопросов, может быть адресована отнюдь не только специалисту.

Рассмотренная монография, несомненно, заслуживает самой высокой оценки. Столь разностороннее и комплексное исследование открывает несколько перспектив дальнейшего развития темы. Более детального рассмотрения заслуживает эволюция усадебного мифа, в частности, его репрезентация в современном искусстве (интермедийный ракурс), нарративные особенности усадебного текста (мотивика, структура повествования, событийность), поиск новых случаев взаимодействия фикционального и реального в игровых, фольклорных, литературных практиках, порождаемых усадебным / дачным образом жизни. Очевидно, серия «Русская усадьба в мировом контексте» продолжится и еще не раз удивит нас глубокими и неожиданными открытиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография / отв. ред. Е.Е. Дмитриева. Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
2. Дмитриева Е.Е. Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880-е–1930-е годы) / отв. ред. Г.А. Велигорский. Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 5. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 768 с.
3. Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 352 с.
4. Скороходов М.В. Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е.В. Глухова. Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 4. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 272 с.
5. Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост. и отв. ред. О.А. Богданова. Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с.
6. Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: Коллективная монография / сост., отв. ред. и автор предисл. О.А. Богданова. Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 344 с.

REFERENCES (Monographs)

1. Bogdanova O.A. (ed.) *Fenomen russkoy literaturnoy usad'by: ot Chekhova do Sorokina+: Kollektivnaya monografiya. Seriya "Russkaya usad'ba v mirovom kontekste"*. *Vyp. 3*. [The Phenomenon of the Russian Literary Manor: From Chekhov to Sorokin+: A Collective Monograph. Russian Estate in the World Context Series. Issue 3]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature Publ., 2020. 344 p. (In Russian).
2. Bogdanova O.A. (ed.) *Russkaya usad'ba i Evropa: diakhroniya, nostal'giya, universalizm: Kollektivnaya monografiya. Seriya "Russkaya usad'ba v mirovom kontekste"*. *Vyp. 2*. [Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism: A Collective Monograph. Russian Estate in the World Context Series. Issue 2]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature Publ., 2020. 352 p. (In Russian).
3. Bogdanova O.A. (ed.) *Usad'ba real'naya – usad'ba literaturnaya: vektory tvorcheskogo preobrazheniya: Kollektivnaya monografiya. Seriya "Russkaya usad'ba v mirovom kontekste"*. *Vyp. 6*. [Real Estate – Literary Estate: Vectors of Creative Transformation: A Collective Monograph. Russian Estate in the World Context Series. Issue 6]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature Publ., 2021. 384 p. (In Russian).
4. Bogdanova O.A. *Usad'ba i dacha v russkoy literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya: Monografiya. Seriya "Russkaya usad'ba v mirovom kontekste"*. *Vyp. 1*. [The Estate and the Dacha in Russian Literature of the Nineteenth and Twenty

First Centuries: Topics, Dynamics, and Mythology: A Monograph. Russian Estate in the World Context Series. Issue 1]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature Publ., 2019. 288 p. (In Russian).

5. Dmitriyeva E.E. *Literaturnyye zamki Evropy i russkiy "usadebnyy tekst" na izlome vekov: (1880-e-1930-e gody). Seriya "Russkaya usad'ba v mirovom kontekste"*. *Vyp. 5*. [Literary Castles of Europe and the Russian "Estate Text" at the Turn of the Century: (1880–1930s). Russian Estate in the World Context Series. Issue 5]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature Publ., 2020. 768 p. (In Russian).

6. Skorokhodov M.V. *Pomeshchich'ya usad'ba v russkoy literature kontsa XIX – pervoy treti XX v.: mezhdistsiplinarnyy podkhod. Seriya "Russkaya usad'ba v mirovom kontekste"*. *Vyp. 4*. [The Estate House in Russian Literature of the Late Ninetieth – First Third of the Twentieth Century: An Interdisciplinary Approach. Russian Estate in the World Context Series. Issue 4]. Moscow, The Gorky Institute of World Literature Publ., 2020. 272 p. (In Russian).

Агратин Андрей Евгеньевич, Российский государственный гуманитарный университет, Государственный Институт русского языка им. А.С. Пушкина.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и исторической поэтики, доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания, научный сотрудник Центра научного проектирования РГГУ; старший педагог кафедры гуманитарных и естественных наук Государственного Института русского языка им. А.С. Пушкина. Научные интересы: нарратология, дискурс-анализ, история русской литературы XIX в., проза А.П. Чехова, современная литература.

E-mail: andrej-agratin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4993-7289

Andrey E. Agratin, Russian State University for the Humanities; Pushkin State Russian Language Institute.

Candidate of Philology, Researcher at the Centre for Science Projects; Associate Professor at the Department of Theoretical and Historical Poetics; Associate Professor at the Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge; Senior Teacher at the Department of Humanities and Natural Sciences. Research interests: narratology, discourse analysis, history of Russian literature of the nineteenth century, A.P. Chekhov's prose, contemporary literature.

E-mail: andrej-agratin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4993-7289